

Глава 127.

Лицемер.

Чжао Лайфи почувствовала, как ее сердце растаяло от его голоса, который был таким кротким, как у испуганного ребенка. Она чувствовала, как ее сердце колотится от его поведения. Ее мозг наказывал ее за то, что она зашла так далеко, а сердце кричало, что это была необходимость для успокоения его гнева.

- Ты сделаешь это снова? - тихо спросила она, потирая костяшки пальцев, его больших и грубых рук. Сразу же его пальцы схватили ее, полностью переплелись. Ее сердце замерло от его действия, на ее лице была слабая улыбка.

- Я не могу обещать вам однозначного ответа - нет, но я буду изо всех сил стараться быть снисходительным.- Он прижал голову к ее плечу, вдыхая ее прекрасный запах. Это затуманило его мозг, мягкий аромат жасмина дразнил его.

Мгновение она молчала, что побудило его сжать ее.

- Ты все еще зол на меня?- спросила она его, на что он покачал головой.

- Нет.

Она улыбнулась, довольная тем, что наконец-то смогла укротить его гнев, даже если это было сделано неэтично. Она повернула голову так, чтобы ее щека покоилась на макушке его мягких волос.

- Хорошо, я больше тоже не злюсь на тебя. - Дразнила она.

Он вздохнул с облегчением, и удивился сам себе. Неужели он так влюблен, что успокоенный ею гнев вызвал ощущение облегчения, которое охватило его?

- Тогда обними меня снова. - Потребовал он, желая почувствовать ее руки снова вокруг себя. Это принесло ему уверенность и подтверждение, что она действительно не собирается покидать его.

Чжао Лайфи была удивлена его внезапной просьбой. В своем растерянном состоянии она обернулась и слегка обняла его. Она вскрикнула, когда он крепче обнял ее, прижимая ее лицо к своей груди: « Ян Фэн ...»

- Не уходи от меня так. Я ненавижу это.- Он стиснул зубы, вспоминая прошлое, когда вернулся в деревню, чтобы наверстать упущенное с ней. Он заметил ее на банкете и попытался

приблизиться к ней, но она испугалась и убежала, ее реакция оставила его полностью разбитым.

- Ян Фэн,- начала она, поднимая голову, чтобы взглянуть на него. Ее горло пересохло, когда она увидела его идеальные черты. - Я не уйду, пока ты не попытаешься связать меня.

Когда она увидела, что его смягченный взгляд ожесточился, она потянулась, чтобы нежно погладить его лицо.

- Мне не нравится, когда ты чрезмерно властен. Мне не нравится, когда ты так хочешь ограничить меня.- Она наблюдала, как его взгляд усиливается. Он не был рад слышать ее слова, но ей было все равно. Ей нужно было расставить все приоритеты, и все точки над i, если они собираются вступить в отношения.

- У меня так много шрамов от моего прошлого, я пытаюсь двигаться дальше, но это так тяжело. В прошлом меня постоянно контролировали мои родители, я... я не хочу таких отношений. - Ее голос дрогнул и стал неуверенным, когда она вспомнила темные дни, когда ее родители диктовали ей каждое движение. Каждая нота, которую она неправильно сыграла на пианино, была для нее пощечиной. Были дни, когда она хотела испытать свое детство, но ее родители заставили ее вернуться на стул пианино.

Страх быть контролируемым, ее испуг делал из нее марионетку. Все, что она когда-либо хотела, была свобода. Она понимала, что ее поведение «хорошая - плохая» в этих отношениях не было нормальным, но она и не требовала многого.

Ян Фэн сжал губы, ее слова отозвались эхом в его голове. Она думала, что его заботливое поведение - это заключение?! Эта идея разозлила его: «Я не могу давать никаких обещаний. Это заложено во мне природой».

- Ну, и я не могу обещать не убегать. Чем больше ты меня связываешь, тем больше я хочу уйти.
- Как она могла пообещать ему, когда он не мог сделать то же самое?

Он нахмурился от ее слов, готовый открыть рот и начать читать ей нравоучения, но решил повременить. Если он скажет неправильные слова, она оттолкнет его и перестанет обнимать. Ему очень нравилось держать ее тело в объятиях. Ее кожа всегда была холодной по какой-то странной причине, и для того, кто легко нагревался, обнимать ее было чрезвычайно утешительно для его чрезмерно теплой кожи.

- Я знаю, что вам не нравится больница, но вы должны понимать, что оставаясь здесь и отдыхая, вы быстрее выздоровеете. Вы слишком упрямы, чтобы просить о помощи, поэтому я должен вмешаться и сделать это для вашего же блага.

Он видел в ней беспомощного ребенка? Почему он так настойчиво держал ее здесь? Она могла бы выздороветь где-то еще с личным врачом - все равно лучше, чем это наполненное

медикаментозными запахами и болезненными воспоминаниями место.

Ее голос стал горьким: «Мне не нужно ваше вмешательство».

Его глаза стали мрачными, что заставило его выглядеть более пугающим, чем когда-либо.

- Не будь упрямой ...

- Ты лицемер. - Невозмутимо парировала она, но внутренне проклинала себя, потому что она тоже в какой-то степени была лицемерной. - Вы требуете, чтобы я не была упрямой, сами же являясь таковым. Почему вы не можете уважать мои желания и мои слова?

Она сделала паузу, вспоминая, как она отреагировала, когда он отклонил ее просьбу днем ранее.

- Все, что я хотела сделать, - это прогуляться по саду. Я хотела по-хорошему, и даже просила, но ты не позволил мне сделать этого невзирая, ни на что.

Его хмурый взгляд углубился. Она была права. Он не позволил бы ей уйти, независимо от того, как она его просила.

- Я не ребенок, Ян Фэн, я могу позаботиться о себе. Мне не нужно, чтобы ты постоянно опекал меня, как сторожевой пес, - добавила она, не чувствуя предупреждающих звонков.

Его зрачки стали абсолютно черными, цвет был темнее самой ночи. Безжизненный и арктический, его глаза излучали неподдельную ярость. Его пальцы впились в ладонь, а челюсти сжались от ее слов. Одно дело называть его упрямым, но прямое его оскорбление, такое как лицемер, не могло остаться безнаказанным.

Все, что он хотел сделать, - это заботиться о ней, защищать ее, обеспечивать ее безопасность, следить за тем, чтобы она правильно лечилась. А она, явно игнорировала все, что он делал для нее.

Он злобно стиснул зубы, его глаза опасно вспыхнули. Темнота накрывала ее, тени вокруг него были как тонкие призрачные демоны ада, окружавшие его, и готовые наброситься на нее. Его глаза стали бесстрастными, выражение его лица было трудно читаемым. У нее была охрана, но он был выше.

- Хорошо, делай это по-своему. - Не посмотрев в ее сторону, он бросился к двери.

Дверь захлопнулась с такой силой, что стена чуть не треснула.

БАМ!

Она подпрыгнула, когда дверь захлопнулась, и сотрясла стены. Это звучало громче, чем выстрел. Сила, которую он использовал, чтобы захлопнуть дверь, потрясла ее сердце, заставив дрожать от страха. Как ни странно два довольно упрямых человека не могли побороть в себе этот их самый большой недостаток.

- Упрямая скотина - пробормотала она себе под нос. Она не обращала внимания на покалывание в груди, и стремление ее сердца последовать за ним.

Она чувствовала, что ее сердце разрывается на части, когда тысячи иголок обрушились на него. Боль душила ее, эта чистая агония ее бесила и расстраивала. Она хотела игнорировать это, она хотела забыть это, но не могла.

Она пыталась оставаться уверенной, высокомерно поднимая подбородок вверх, но этого хватало ненадолго. Ее глаза покрылись болью, и слезы были готовы вот-вот брызнуть из глаз.

Она схватила то, что оказалось под рукой, и бросила в дверь, это оказалась бесценная ваза. Фарфор разрушился, напугав мужчин снаружи.

Она сдерживала слезы. Она отказалась признавать то, что он причинил ей боль. Она глубоко вдохнула и практиковала приемы, которым научил ее терапевт. Это не заняло много времени, чтобы ее глаза высохли. Она не хотела плакать из-за него.

Подойдя к двери, она включила свет. На полу возле дивана и кофейного столика было несколько сумок. Когда она сделала несколько шагов к ней, восхитительный аромат донесся до нее. Ее нос покалывал от знакомого аромата ее любимых блюд. Во рту скопилась слюна, когда она увидела огромное множество блюд, разложенных на кофейном столике.

Он хотел поесть с ней. Ее охватило чувство вины, и она на секунду засомневалась.

Но ее разочарование вернулось, когда она увидела разбитую вазу. Она неохотно собрала все это, взяла сумки и вытащила наружу к телохранителям. Они были удивлены, когда дверь распахнулась. Мгновенно они образовали барьер, один из которого был толще и сильнее предыдущего.

- Вы, ребята, должны быть голодны, стоя здесь. Я не голодна, не пропадать же еде, пожалуйста, угощайтесь.- Она передала сумки с роскошными блюдами удивленным мужчинам, которые в недоумении смотрели на нее. Даже дурак узнает качество фирменного ресторана La Roche! Простая закуска стоила несколько сотен, а размер самой сумки должен был составлять, по крайней мере, несколько десятков тысяч!

- Хм, леди Босс, вы уверены ...

- Если вам не нужна еда, выбросьте ее. Я не могу есть пищу в моем нынешнем состоянии. -

сказала она бодро, не в настроении стоять здесь и убеждать их. Не говоря ни слова, она закрыла дверь и выключила свет.

Телохранители обменялись взглядами друг с другом: «Это слишком дорого, чтобы выбрасывать». - Сказал кто-то, и услышал поддержку остальных. Наполовину неохотно и наполовину взволнованно они начали, есть блюда.

Чжао Лайфи подождала несколько минут, прежде чем лечь в постель и сунуть подушки под одеяла. Она ухватилась за мгновенное отвлечение телохранителей, чтобы быстро схватить свой телефон, пройти в угол своей больничной палаты и позвонить кому-то, с кем, как она думала, больше никогда не свяжется.

<http://tl.rulate.ru/book/23140/627127>